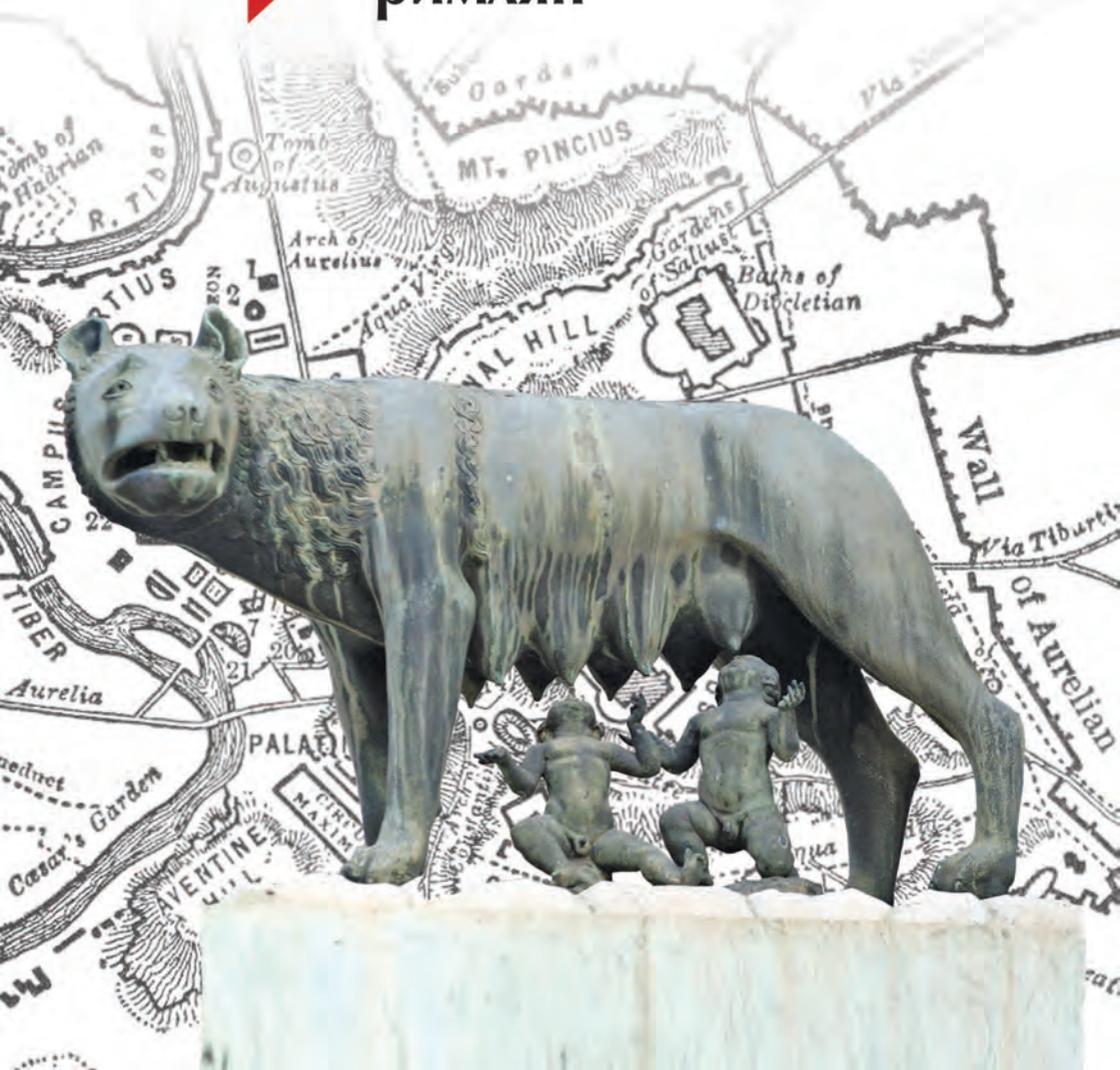

ШАРЛЬ МОНТЕСКЬЕ

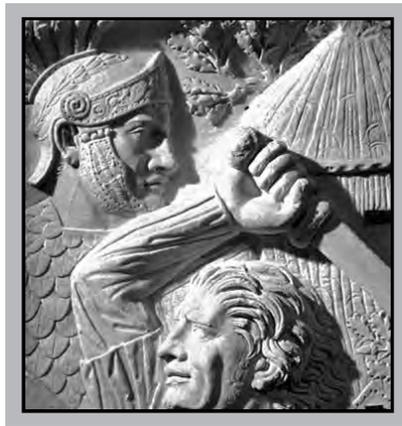

азмышления о причинах величия и падения римлян

ШАРЛЬ МОНТЕСКЬЕ

**Размышления
о причинах
величия и падения
римлян**

Санкт-Петербург
2013

«Размышления о причинах величия и падения римлян» — философско-исторический трактат великого французского философа-просветителя, основоположника современных форм представительной демократии Шарля-Луи де Монтескье.

Автор доказывает на примере Римской империи, что только там, где граждане свободны и независимы, где господствуют республиканские нравы, общество в состоянии успешно развиваться. В странах, где граждане отказываются от свободомыслия и становятся на путь рабства, государство теряет свое величие и, в конечном счете, терпит поражение от внутренних и внешних врагов.

Монтескье Шарль-Луи де Секонда.
«Размышления о причинах величия и падения римлян»
«МК-Трейд», 2013 г., 147 стр.

© Издание на русском языке, издательство «МК-Трейд»

© Художественное оформление: Придчина Т. В.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШАРЛЬ-ЛУИ МОНТЕСКЬЕ	5
ГЛАВА I	7
1. <i>Начало Рима</i>	
2. <i>Его войны</i>	
ГЛАВА II	14
<i>О военном искусстве римлян</i>	
ГЛАВА III	18
<i>Каким образом римляне смогли возвыситься</i>	
ГЛАВА IV	20
1. <i>О галлах</i>	
2. <i>О Пирре</i>	
3. <i>Параллель между Карфагеном и Римом</i>	
4. <i>Война против Ганнибала</i>	
ГЛАВА V	29
<i>О состоянии Греции, Македонии, Сирии и Египта после поражения Карфагена</i>	
ГЛАВА VI	37
<i>Какого поведения придерживались римляне, чтобы покорить все народы</i>	
ГЛАВА VII	47
<i>Почему Митридат мог сопротивляться римлянам?</i>	
ГЛАВА VIII	49
<i>О раздорах, разделявших все время город</i>	
ГЛАВА IX	54
<i>Две причины гибели Рима</i>	
ГЛАВА X	58
<i>Об испорченности римлян</i>	
ГЛАВА XI	60
1. <i>О Сулле.</i>	
2. <i>О Помпее и Цезаре</i>	

ГЛАВА XII	71
<i>О состоянии Рима после смерти Цезаря</i>	
ГЛАВА XIII	75
<i>Август</i>	
ГЛАВА XIV	82
<i>Тиберий</i>	
ГЛАВА XV	86
<i>Об императорах от Гая Калигулы до Антонина</i>	
ГЛАВА XVI	93
<i>О состоянии империи от Антонина до Проба</i>	
ГЛАВА XVII	102
<i>Перемена в государстве</i>	
ГЛАВА XVIII	108
<i>Новые меры, принятые римлянами</i>	
ГЛАВА XIX	113
<i>Величие Аттилы</i>	
ГЛАВА XX	119
<i>1. О победах Юстиниана</i>	
<i>2. О его правлении</i>	
ГЛАВА XXI	126
<i>Беспорядки в Восточной империи</i>	
ГЛАВА XXII	131
<i>Слабость Восточной империи</i>	
ГЛАВА XXIII	140
<i>1. Причины прочности Восточной империи</i>	
<i>2. Ее гибель</i>	

ШАРЛЬ-ЛУИ МОНТЕСКЬЕ

Монтескье Шарль-Луи де Секонда, барон де ла Бред, французский философ и литератор эпохи Просвещения, родился в 1689 г. в замке Лабред, близ Бордо в аристократической семье. В 1705 г. окончил колледж ораторианцев в Бордо и переехал в Париж для углубленного изучения права. В 1714 г. вернулся в Бордо, где получил сначала пост советника в городском суде, а через два года стал одним из вице-президентов суда.

В 1721 г. он выпустил в свет роман «Персидские письма», завоевав симпатии читающей публики живой сатирой на французское общество.

В романе персидский путешественник описывает разнообразные глупости и недостатки, критикуя под видом персидского французское общество, — преисполненное спеси, суеверий, находящееся под гнетом королевской власти и духовенства.

В 1725 г. Монтескье написал прозаическую поэму «Книдский храм», выдержанную в гедонистическом духе. В следующем году он перебирается в столицу и вскоре выпускает вторую поэму в прозе «Путешествие в Париж», написанную в том же стиле, что и предыдущее творение. Однако занятия изящной словесностью не удовлетворили его, и в 1728 г. он отправляется путешествовать по Европе для изучения политико-правовых институтов разных стран. Монтескье посетил Италию, Пруссию, Нидерланды, а в Англии прожил около полутора лет, где изучал английское право и

конституционную практику парламента. Встречи с юристами, философами и политиками Англии оказали сильное влияние на формирование его государственно-правовых идеалов, которые он воплотил затем в главном своем труде «О духе законов» (1748). В книге читателю предлагались живописные «прогулки» по странам и эпохам, знакомившие с разнообразием народных обычаев и общественных правил. Используя исторический сравнительный метод, Монтескье показал, что возникновение правовых институтов зависит от влияния географической среды, исповедуемой религии, формы правления.

Основной темой книги являлась теория форм власти. Монтескье считал, что могут существовать демократическая, аристократическая и монархическая формы правления, но не имеют права на существование тирания и деспотизм.

Работая над книгой «О духе законов», он, основываясь на признании объективности исторического процесса и начисто отвергая теологические причины процесса, написал в 1734 г. «Размышления о причинах величия и падения римлян». После книги «О духе законов» им был написан трактат «Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства», помещенный через два года после его смерти в «Энциклопедию» Дени Дидро.

Монтескье считается основоположником современных форм представительной демократии. Монтескье сформулировал теорию разделения властей, которая лежит в основе создания любого современного демократического государства.

Он считал необходимым, чтобы в любом современном государстве была власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная. При этом исполнительную власть возглавляет Король (Президент).

Свобода, считал Монтескье, может быть обеспечена лишь законами: «Свобода есть право делать все, что дозволено законами».

Монтескье установил соответствия между законами и принципами правления. Под принципом правления он понимает основополагающую идею, которая приводит в движение ту или иную форму правления. Для демократической республики такими идеями являются честь и добродетель, для аристократической — умеренность, для монархии — честь, а для деспотии — страх.

Политические и правовые идеи Монтескье оказали непосредственное влияние на составителей Конституции США, на конституционное законодательство периода Великой французской революции, на Гражданский кодекс Франции 1804 г.

Труды Монтескье изучали многие выдающиеся государственные деятели, в том числе и Екатерина Великая, построившая свой знаменитый «Наказ» (1767) на основе книги Монтескье «О духе законов».

Монтескье умер в 1755 г. в Париже.

ГЛАВА I

1. Начало Рима

2. Его войны

Когда мы думаем о начале Рима, то не следует представлять себе, что он имел вид современного города; скорее, он напоминал города Крыма, построенные для того, чтобы содержать в их стенах военную добычу, скот и продовольствие. Все древние названия главных мест Рима ведут свое происхождение от этого обычая.

Город не имел даже улиц, если не считать улицами продолжения дорог, заканчивающихся в нем. Дома были очень малы и разбросаны без всякого порядка, ибо мужчины, всегда работавшие в поле или находившиеся на Форуме, совсем не жили в них.

Но величие Рима вскоре проявилось в его общественных зданиях. Сооружения, которые теперь, как и в былые времена, дают самое возвышенное представление о его могуществе, были построены при царях. Уже тогда начали строить Вечный город.

Ромул и его преемники почти все время вели войны со своими соседями для того, чтобы иметь больше граждан, женщин или земель. Они возвращались в город с добычей, взятой у побежденных народов. Добыча, состоявшая из хлебных снопов и стад, вызывала великую радость у жителей. Это послужило началом триумфов,

впоследствии ставших главной причиной того величия, которого достиг город. Рим увеличил свои силы благодаря объединению с сабинами — суровым и воинственным народом, напоминавшим лакедемонян, от которых они происходили. Ромул заимствовал у них большой щит вместо маленького аргивского щита, которым он пользовался ранее, — следует заметить, что римляне стали владыками мира главным образом благодаря тому обстоятельству, что, непрерывно воюя со всеми народами, они всегда отказывались от своих обычаев, как только замечали, что их можно заменить лучшими.

Итальянские республики считали тогда, что договоры, заключенные с одним царем, не налагают на них никаких обязанностей по отношению к его преемнику — это было для них своего рода международным правом. Таким образом, все народы, покоренные одним царем Рима, считали себя свободными по отношению к другому, так что войны все время порождали войны.

Долгое и мирное царствование Нумы привело к тому, что Рим сохранил свои прежние пределы; если бы он имел тогда более значительную территорию и был более могущественным, то, вероятно, его судьба была бы predeterminedена навсегда.

Одна из причин процветания Рима состояла в том, что все его цари были великими людьми. Мы не имеем в истории другого примера подобной непрерывной последовательности таких выдающихся государственных людей и полководцев.

Строй обществ при их возникновении устанавливается главами республик; в дальнейшем, наоборот, строй воспитывает главы республик.

Тарквиний захватил власть, не будучи избран ни сенатом, ни народом. Власть становилась наследственной; он сделал ее абсолютной. За этими двумя революциями последовала третья.

Его сын Секст, учинив насилие над Лукрецией, совершил преступление, которое почти всегда служило причиной изгнания тиранов из тех городов, где они были начальниками; ибо подобный

поступок всегда заставляет народ почувствовать свое рабское состояние, и тогда он немедленно прибегает к крайним мерам. Народ легко выносит, когда его облагают новыми налогами; он не знает, не употребят ли взятые у него деньги таким образом, что и он извлечет некоторую пользу из этого. Но когда ему наносят обиду, он только чувствует свое несчастье и представляет себе при этом все то зло, которое ему могут причинить. Однако нет сомнения, что смерть Лукреции была только поводом для той революции, которая произошла, ибо гордый, предприимчивый и смелый народ, заключенный в своих стенах, неизбежно либо смирится, либо свергнет иго, наложенное на него.

Должно было произойти одно из двух: Рим должен был или изменить свое правительство, или остаться маленькой и бедной монархией.

Удивительно, но и современная история дает нам пример того, что произошло тогда в Риме: ибо люди во все времена испытывают одинаковые страсти, но поводы, приводящие к великим переменам, различны, хотя причины всегда те же самые.

Подобно тому как Генрих VII, король Англии, увеличил власть общин для того, чтобы унижить лордов, Сервий Туллий II до него расширил права народа для того, чтобы ослабить сенат. Но народ, став более дерзким, ниспроверг как ту, так и другую монархию.

Портрет Тарквиния, оставленный нам потомством, не лестен для него: нет ни одного оратора, выступавшего против тирании, который не упомянул бы его имени. Но поведение Тарквиния до случившегося с ним несчастья, которое он предвидел, его кротость по отношению к побежденным народам, щедрость по отношению к солдатам, искусство, с которым он сумел привлечь на свою сторону множество людей, его общественные сооружения, его смелость в войне, стойкость в несчастьях, двадцатилетняя война, которую он вел или побудил союзников вести против римского народа, не имея ни царства, ни богатств, постоянные ресурсы, которые он находил для ведения

войны, — все это доказывает, что он был незаурядным человеком. Оценка, которую потомство дает деятелю, зависит, как и все прочее, от капризов фортуны. Но горе репутации всякого государя, которого победила партия, ставшая впоследствии господствующей, или который пытался разрушить предрассудок, переживший его.

Рим, изгнав царей, установил должность ежегодных консулов; это возвело его на вершину могущества. В жизни каждого государя бывает период честолюбия, но за ним следуют периоды господства других страстей и даже лени. Но консулы республики, сменявшиеся каждый год и стремившиеся прославить свое правление, чтобы вновь получить свою должность, не теряли ни одного мгновения для проявления своего честолюбия: они побуждали сенат объявлять новые войны и каждый день указывали ему новых врагов.

Сенат и сам по себе был склонен к ведению войны: народ непрерывно докучал ему своими жалобами и требованиями, и, чтобы рассеять это беспокойство, сенат стремился занять народ внешними делами. Война же почти всегда была приятна народу, ибо начальники в разумном распределении добычи нашли средство сделать ее полезной ему. Рим не был торговым городом, в нем почти не было ремесел; грабеж был единственным способом обогащения его граждан.

В самом грабеже соблюдалась известная дисциплина: он производился приблизительно в том же порядке, какой мы видим теперь у крымских татар. Добыча считалась общей, и ее распределяли между солдатами; ничего не пропадало, потому что до отправления на войну каждый давал клятву, что он ничего не похитит из добычи в свою личную пользу. А римляне добросовестнее всех народов в мире соблюдали клятву, которая всегда была движущей силой их военной дисциплины.

Наконец, граждане, которые оставались в городе, также пользовались плодами победы. Часть земель побежденного народа подвергалась конфискации, причем она делилась на две доли: одна

продавалась в пользу государства, другая же распределялась между бедными гражданами, которые обязаны были выплачивать ренту в пользу республики.

Консулы, которым декретировали триумф только в том случае, если они совершили завоевание или одержали победу, вели войну чрезвычайно стремительно, они шли прямо на врага, и сила вскоре решала участь войны.

Рим находился в состоянии непрерывной и жестокой войны. Но нация, которая все время ведет войну, нация, у которой война служит принципом правительства, неизбежно должна погибнуть или же восторжествовать над всеми другими нациями, которые как во время войны, так и во время мира не приспособлены в такой степени к ведению наступательной или оборонительной войны.

Благодаря этому римляне приобрели глубокие познания в военном искусстве. При кратковременных войнах большинство примеров пропадает даром; мир дает другое направление мыслям, люди забывают не только свои ошибки, но даже и свои подвиги. Другое следствие принципа непрерывной войны состояло в том, что римляне всегда заключали мир только в качестве победителей. Действительно, какой смысл был заключать позорный мир с одним народом для того, чтобы затем напасть на другой народ?

Руководствуясь этой идеей, римляне увеличивали свои требования по мере того, как терпели поражения. Этим они повергали в ужас своих победителей и ставили самих себя в такое положение, которое настоятельно требовало от них победы. Так как они все время подвергались опасности самого ужасного мщения, то настойчивость и мужество стали для них необходимыми добродетелями. Эти добродетели сливались у них воедино с любовью к себе, к своей семье, к своему отечеству — всему самому дорогому для человека.

Народы Италии в то время совершенно не умели пользоваться осадными машинами. Более того, так как солдаты не получали

жалования, то их нельзя было долго удерживать для осады на одном месте, поэтому редкие войны вели к решительному исходу. Сражались только для того, чтобы разграбить лагерь неприятеля или его земли; после этого как победитель, так и побежденный возвращались обратно в свои города. Это увеличивало сопротивление народов Италии и в то же время делало римлян более настойчивыми в стремлении покорить эти народы. Это принесло римлянам такие победы, которые не испортили их и оставили в состоянии прежней бедности.

Если бы римляне быстро покорили все соседние города, то при нашествиях Пирра, галлов и Ганнибала они уже находились бы в состоянии упадка. Они испытали бы участь почти всех народов в мире, перейдя слишком быстро от бедности к богатству и от богатства к испорченности.

Но Рим, прилагая все время усилия и неизменно встречая препятствия, заставлял народы чувствовать свое могущество, не имея возможности распространить его, в пределах узкого круга он упражнялся в добродетелях, которые должны были стать роковыми для остального мира.

Не все народы Италии были одинаково воинственны: туски были изнежены богатством и роскошью, тарентинцы, капуанцы, жители почти всех городов Кампании и Великой Греции томилась в бездействии и предавались наслаждениям. Но латины, герники, сабины, эквы и вольски страстно любили войну: они жили вокруг Рима, оказывали ему отчаянное сопротивление и стали его учителями в упорстве.

Латинские города были колониями Альбы, основанными Латинном Сильвием. Жители их имели общее происхождение и общие обряды с римлянами. Сервий Туллий побуждал их строить в Риме храм, который должен был стать центром объединения двух народов. После того, как латины потерпели поражение в большой битве у озера Регилл, они вынуждены были вступить в союз с римлянами и заключить с ними военный договор.

В течение непродолжительной тирании децемвиров с очевидностью обнаружилось, до какой степени величие Рима было связано с его свободой. Государство как будто потеряло душу, оживлявшую его. В городе оставалось только два рода людей: одни терпели рабство, а другие в своих частных интересах стремились навязать его народу. Сенаторы удалились из Рима как из чужого города, и соседние народы не встречали никакого сопротивления. После того, как сенат нашел способ платить жалование солдатам, была предпринята осада Вей, длившаяся десять лет. Римляне стали более искусными, они нашли новый способ ведения войны, их успехи становились более блестящими, они лучше использовали свои победы, сделали более крупные завоевания, основали больше колоний, наконец, взятие Вей было своего рода революцией.

Но положение их не стало более легким. Правда, они нанесли жестокие удары тускам, эквам и вольскам, но из-за этого их союзники — латины и герники, — которые имели то же оружие, что и они, и которые ввели у себя ту же дисциплину, покинули их; туски образовали лиги, а самниты, наиболее воинственные из всех народов Италии, вступили с ними в ожесточенную войну.

После того, как сенат стал выплачивать жалование солдатам, он перестал распределять между ними земли побежденных народов. Он возложил на последних другие обязанности: так, например, сенат обязал их выплачивать солдатам жалование в течение определенного времени, снабжать их хлебом и одеждой.

Взятие Рима галлами несколько не ослабило его сил: армия, скорее рассеянная, чем побежденная, удалилась почти целиком в Вейи. Народ спасся в соседних городах. Пожар уничтожил только несколько пастушеских хижин.

ГЛАВА II

О военном искусстве у римлян

Так как римляне готовили себя к войне и считали ее единственным истинным искусством, то они сосредоточили весь свой ум и все свои мысли на том, чтобы усовершенствовать военную технику. «Без сомнения, — говорит Вегеций, — некий бог внушил им устройство легиона».

Они считали, что нужно дать солдатам легиона более сильное и более тяжелое наступательное и оборонительное оружие, чем оружие любого другого народа.

Но так как на войне приходится делать много такого, на что не всегда способен тяжеловооруженный солдат, то они включили в легион легкий отряд, который мог выходить из легиона, чтобы завязать битву, и отступать обратно, когда этого требовала необходимость. Легион также имел кавалерию, стрелков и пращников, которые должны были преследовать бегущих и закреплять победу. Он защищался всевозможными военными машинами, которые возил за собой. Когда легион окапывался, то он представлял собой, как говорит Вегеций, нечто вроде укрепленного лагеря. Римляне должны были особенно закалить себя, чтобы носить такое оружие, тяжести которого не мог выдержать обыкновенный человек. Они достигали этого благодаря непрерывному труду, укреплявшему организм, и благодаря упражнениям, развивавшим в них ловкость, которая есть не что иное, как правильное распределение своих сил.

Мы замечаем теперь, что наши армии теряют очень много людей вследствие того, что солдат заставляют слишком много работать; между тем римляне сохраняли свои войска именно благодаря усиленному труду. Я думаю, это объясняется тем, что они трудились непрерывно, в то время как наши солдаты от чрезмерного труда сразу переходят к полнейшему безделью: это и губит их больше всего. Здесь я считаю нужным привести то, что наши авторы говорят о

воспитании римских солдат. Их приучали ходить военным шагом, то есть проходить за пять часов 20 миль, а иногда и 24. Во время этих маршей их заставляли нести на себе тяжести, весившие 60 ливров. Их приучали бегать и прыгать в полном вооружении; во время упражнений у них были мечи, дротики и стрелы, имевшие двойной вес по сравнению с обыкновенными; эти упражнения производились систематически.

Военной школой служил не только лагерь: в городе находилась площадь, где упражнялись граждане (Марсово поле). После военных занятий они бросались в Тибр, чтобы совершенствоваться в плавании и смывать с себя пыль и пот.

Мы теперь не имеем правильного представления о телесных упражнениях; мы пренебрежительно относимся к человеку, который слишком много занимается ими, потому что большинство этих упражнений не имеет другой цели, кроме развлечения. Но у древних все они, вплоть до танцев, составляли часть военного искусства.

У нас даже дошло до того, что слишком большая ловкость в употреблении того оружия, которым мы пользуемся на войне, стала казаться чем-то смешным; ибо, после того как вошли в обычай поединки, фехтование стало рассматриваться как наука забияк или трусов.

Те, кто критикует Гомера IV за то, что он восхваляет в своих героях силу, ловкость или проворство, должны находить смешным и Саллюстия, который хвалит Помпея за то, что он состязался с другими в беге, прыжках и ношении тяжестей.

Всякий раз, когда римляне считали, что им угрожает опасность, или хотели исправить какой-либо ущерб, они начинали укреплять военную дисциплину. Когда нужно было объявить войну латинам — народу, столь же воинственному, как они сами, — Манлий позаботился о повышении авторитета командования и подверг казни своего сына за то, что тот победил врага вопреки его приказу. Сципион Эмилиан после поражения римлян при Нуманции немедленно ли-

шил солдат всего, что приводило их к изнеженности. Когда римские легионы прошли под игом в Нумидии, Метелл исправил этот позор тем, что восстановил старую дисциплину. Чтобы победить кимвров и тевтонов, Марий начал с того, что отвел течение рек; точно так же Сулла заставил солдат своей армии, утраившихся войны против Митридата, работать так много, что солдаты потребовали повести их в бой, суливший конец их мучениям.

Публий Мазика заставил своих солдат без всякой нужды строить флот: опасались праздности больше, чем врагов.

Авл Геллий неубедительно объясняет обычай римлян пускать кровь солдатам, совершившим какое-либо преступление. Истинная причина этого состояла в том, что поскольку сила являлась главным достоинством солдата, ослабить его значило унижить его.

Столь закаленные люди обыкновенно отличались хорошим здоровьем. Древние авторы не отмечают больших потерь от болезней в римских армиях, воевавших в странах с самым разным климатом, между тем современные армии, ни разу не побывав в бою, можно сказать, тают в течение кампании.

У нас очень часты случаи дезертирства, ибо солдат набирают из деклассированных слоев, самых низов каждой нации. В связи с этим нет ни одной нации, которая имела бы известные преимущества перед другими в этом отношении или считала бы, что она их имеет. У римлян дезертирство происходило реже. Солдаты, набравшиеся из среды столь надменного и гордого народа, уверенного в том, что он должен господствовать над другими, не могли унижиться до такой степени, чтобы желать перестать быть римлянами.

Так как армии римлян были немногочисленны, то их легко было снабжать продовольствием: командир мог лучше знать своих солдат и скорее замечать ошибки и нарушения военной дисциплины.

Закалка, приобретенная благодаря упражнению, и прекрасные дороги, построенные римлянами, делали их способными быстро совершать большие марши. Их внезапное появление приводило в ужас

врагов. Излюбленным приемом их было атаковать после того, как они потерпели поражение, когда их враги становились беспечными вследствие победы. В наших современных сражениях отдельный воин полагается на толпу, но всякий римлянин, более сильный и закаленный в боях, чем его враг, рассчитывал всегда на самого себя: он имел природную храбрость, т.е. ту добродетель, которая состоит в сознании своих собственных сил. Римские отряды были всегда в высшей степени дисциплинированы, поэтому даже в самом неудачном сражении редко случалось, чтобы они не сплотились на том или ином участке или чтобы не возникло расстройство в рядах врагов. Вот почему в их истории мы все время видим, что, если даже иной раз враги и одерживали верх над ними благодаря своему численному перевесу или боевому пылу, в последнем счете римляне все-таки всегда вырывали победу из рук неприятеля. Они обращали главное внимание на исследование того, в чем неприятель мог превосходить их, и быстро наводили порядок в этой области. Они приучались видеть кровь и раны в гладиаторских играх, которые они переняли у этрусков.

Острые мечи галлов, слоны Пирра захватили их врасплох только в первый раз. Они усилили свою кавалерию сначала тем, что уничтожили поводья, дабы ничто не могло противостоять их натиску; затем они присоединили к ней велитов. Когда они познакомились с испанским мечом, то отказались от своего. Наконец, как говорит Иосиф, во время войны они размышляли, во время мира упражнялись.

Если какая-либо нация имела в чем-либо преимущество перед ними по своей природе или благодаря своим учреждениям, то они вскоре перенимали его. Так, они сделали все, чтобы иметь нумидийских лошадей, критских лучников, балеарских пращников, родоские суда.

Наконец, ни одна нация не подготавливала войну так благоразумно и не вела ее так отважно.